

Услышав это, Чу Фэнцин взглянул на него, уловил его приподнятые, словно мечи, брови и быстро отвёл взгляд. Подумав о взаимности, он согласился лёгким голосом:

— Ваша одежда тоже неплоха.

Цзи Юйцзинь опешил. Это был первый раз, когда он похвалил его в его присутствии. Он не мог не рассмеяться и сказал:

— Только одежда? А как же сам человек?

Как только этот вопрос был задан, служанки и слуги вокруг забыли о правилах и посмотрели в сторону Цзи Юйцзиня. Возможно, потому что он всегда появлялся на публике как бог смерти, и никто никогда не видел этой его стороны, в глазах у всех в этот момент был оттенок ужаса.

Ресницы Чу Фэнцина, подобные воронову крылу, дрогнули, и он поднял взгляд в его сияющие глаза. За его спиной стояло дерево с бутонами красной сливы, уже приоткрывшее немного алого.

Цзи Юйцзинь прижал язык к верхнему нёбу и с самодовольной усмешкой сказал:

— Ладно, ладно, не нужно объяснять, этот господин от природы благороден, идеальная пара для Госпожи.

Чу Фэнцин никогда раньше не встречал такого человека. Он отвёл взгляд от красных слив позади него и тихо, без всякого снисхождения, произнёс:

— Бесстыдный.

Когда он отвернулся, он сам не заметил, что в его холодных глазах появился оттенок улыбки, словно цветы красной сливы в снегу внезапно расцвели, наполнив взор весной.

Когда он подошёл к двери, Чу Фэнцин вдруг почувствовал тяжесть на плечах, и белоснежный плащ плотно окутал его. Он посмотрел назад и увидел, что Цзи Юйцзинь уже отдернул руку. Он сказал с лёгким пренебрежением в лице:

— Даже моя рана от меча почти зажила, а ты всё ещё страдаешь от простуды. Я назвал тебя маленьким больным ростком всего один раз, а ты ещё и затаила на меня обиду.

— Если не хочешь, чтобы другие называли тебя больной, просто позаботься о себе.

Цзи Юйцзинь двинулся вперёд сам, но резко остановился перед прекрасным конём и свернул к

экипажу. Пройдя несколько шагов и заметив, что никто не идёт за ним, он взглянул на Чу Фэнцина в недоумении и спросил:

— Что? У тебя ещё и есть изящество наслаждаться снегом на холодном ветру?

Чу Фэнцин опустил глаза и своими слишком белыми руками подобрал плащ, брошенный на плечи, и тихо ответил:

— Иду.

На этот раз экипаж был очень роскошен, и внутри уже была зажжена печь, так что было тепло. Дорога до дворца от поместья Цзи не заняла много времени. Поскольку экипажам нельзя было въезжать во дворец, они вышли перед главными воротами.

До дворца всё ещё было далеко. В этот момент у главных ворот было припарковано много экипажей для дворцового банкета. По какой-то причине все, увидев экипажи из поместья Цзи, парковались далеко. Главные ворота, изначально шумные, внезапно затихли в тот миг, когда Цзи Юйцзинь вышел из экипажа.

Цзи Юйцзинь ничуть не чувствовал неловкости. Напротив, он небрежно отдернул занавеску экипажа и протянул руку Чу Фэнцину, сказав:

— Мы на месте, выходи.

Чу Фэнцин взглянул на протянутую им руку. Рука, которую он протянул, была той самой, что была ранена. Чу Фэнцин слегка нахмурился. У этого человека и впрямь нет памяти.

Он прямо избежал руки Цзи Юйцзиня и спрыгнул, держась за дверцу экипажа.

Цзи Юйцзинь был поражён его поступком и подсознательно шагнул вперёд. В одно мгновение его нос скользнул по лбу Чу Фэнцина, и мягкий и благоуханный нефрит вошёл в его объятия.

Оба на мгновение опешили, но Цзи Юйцзинь отреагировал быстрее, отпустив человека и сделав два шага вперёд.

Зеваки были любопытны, но не смели поднять глаза. Никто даже не взглянул вверх. В тот миг, когда они оба сошли с экипажа, к ним поспешил молодой евнух.

Молодой евнух сначала поклонился им обоим, а затем окликнул носильщиков паланкина позади себя.

Лицо Цзи Юйцзиня стало гораздо холоднее, когда он увидел посторонних. Хотя на его лице всегда была улыбка, никто бы не подумал, что он спокойный человек. Он указал на паланкин и попросил Чу Фэнцина сесть.

Чу Фэнцин взглянул на паланкин и не решался сделать шаг. Хотя он редко бывал в столице, он также понимал, что это не та власть, которую должен иметь евнух. Ездить в паланкине во дворце было крайне непочтительно для всех, кроме императорской семьи.

Цзи Юйцзинь, казалось, разгадал его замешательство и слегка изогнул красные губы, спокойно сказав:

— Я влиятельный чиновник, с великой властью при дворе, и у меня есть императорская власть.

Цзи Юйцзинь первым вошёл в паланкин. Чу Фэнцин поджал губы и последовал за ним. Снаружи был холодный зимний день. Он приподнял занавеску рукой и посмотрел наружу. По пути было много дворцовых служанок и семей чиновников.

Цзи Юйцзинь проследил за его взглядом и посмотрел наружу. Он смотрел на шёлк, атлас, жемчуга, нефриты и шпильки, с трудом пробирающиеся по дороге. Его выражение было слегка холодным, словно он видел что-то сквозь них. Его взгляд стал отстранённым. Через некоторое время он вдруг улыбнулся и сказал:

— Власть — воистину хорошая вещь.

Стиль Цзи Юйцзиня и впрямь был показным, и слово «сдержанность», казалось, не существовало в его словаре. Когда паланкин проезжал мимо, люди подходили к нему засвидетельствовать почтение, но Цзи Юйцзинь даже не удосуживался показать лицо, не говоря уже о том, чтобы отвечать на приветствия.

Чу Фэнцин наблюдал за всем этим, поджал губы и сказал:

— Так вам очень легко нажать врагов.

Цзи Юйцзинь лениво откинулся там. Его поза всё ещё была немного неловкой из-за ранения в плечо. Как бы он ни сидел, ему было неудобно. Позже он просто сдался и прислонился к Чу Фэнцину. Прислоняться к чему-то мягкому всегда было удобнее, чем к чему-то твёрдому. Одной рукой он играл с несколькими прядями волос Чу Фэнцина. Услышав его слова, он не воспринял их всерьёз:

— Если бы заискивание могло избавить меня от врагов, я бы стоял у главных ворот каждый день, приветствуя всех улыбками и комплиментами.

— Увы, это явно невозможно. Раз этого не сделать, я просто буду делать то, что мне удобно.

Видишь, они боятся меня, но все хотят моей благосклонности. Они терпеть меня не могут, но и избавиться от меня не в силах. Вот это, по мне, и есть истинный комфорт.

Цзи Юйцзинь закрыл глаза и просто улёгся на колени Чу Фэнцина. Он почувствовал, как человек под ним на мгновение напрягся, но всё же не оттолкнул его.

Лишь горстка людей достойна быть его врагами. Он сталкивался с большой злобой, но видел худшее из зол. Те методы импичмента и мелких манипуляций за кулисами — как детская игра.

Он закрыл глаза, и его тело вдруг стало тяжелее, тепло разлилось по нему. Чу Фэнцин отдал ему половину своего плаща. Он знал, не открывая глаз, что у того сейчас, должно быть, холодное лицо. Уголки его рта изогнулись при мысли об этом. Чу Фэнцин, возможно, сам не замечал, что его светлые зрачки, казавшиеся безразличными, всегда невольно открывали нежность, заставлявшую людей влюбляться в него.

Он вдруг вспомнил, что Ли Юй говорил о нём, что он не боится наживать врагов или мстить, потому что он один и у него нет слабостей. А будь у него слабость, он был бы более сдержан в делах. Однако ему всегда казалось, что тот просто нёс чепуху. Исходя от такого человека, как Ли Юй, такая истина теряла некоторую достоверность.

Цзи Юйцзинь приподнял веки и увидел гладкий подбородок. Слабость? Даже если есть слабость, разве не веселее иметь рядом того, кто будет высокомерным вместе с ним?

Когда они прибыли ко дворцу, две дворцовые служанки подошли, чтобы проводить их. Одна служанка поддержала Чу Фэнцина и протянула руку, приглашая его пройти в боковой зал, в то время как другая служанка вела Цзи Юйцзиня в главный зал.

Чу Фэнцин остановился, заметив это, и посмотрел на Цзи Юйцзиня.

Цзи Юйцзинь посмотрел на него и с улыбкой сказал:

— Ты не хочешь расставаться даже на мгновение? Ну, куда ты хочешь пойти?

Боковой зал был полон гостями-женщинами. У Чу Фэнцина начинала болеть голова от одной мысли об этом. Услышав вопрос Цзи Юйцзиня, он немедленно указал на главный зал и сказал:

— Я пойду с вами.

Цзи Юйцзинь протянул руку и притянул его к себе:

— Тогда пойдём.

Дворцовая служанка, сопровождавшая их, испугалась и смущённо сказала:

— Глава, это против этикета.

Цзи Юйцзиня это не волновало:

— Ничего. Я доложу об этом Его Величеству.

Дворцовые служанки тоже не смели больше их останавливать и просто отошли в сторону. Когда они вдвоём подошли к главному залу, Цзи Юйцзинь вдруг достал из рукава вуаль и протянул её Чу Фэнцину:

— Хочешь прикрыть лицо?

Чу Фэнцин подумал и понял, что теперь он взял на себя личность Чу Иньинь, и здесь могли быть люди, которые узнают его, так что он будет показывать лицо как можно меньше. Он кивнул и хотел взять платок у Цзи Юйцзиня, но тот увернулся.

Цзи Юйцзинь попросил дворцовую служанку найти две шпильки, которыми можно было бы закрепить вуаль, и нежно повесил вуаль на Чу Фэнцина. Прикрепляя её, он сказал:

— Носить эту штуку и впрямь неудобно и неприятно, но ты настояла на том, чтобы пойти со мной в главный зал. По большей части это ничего, хотя несколько легкомысленных молодых людей внутри могут отпускать замечания о твоей внешности. Но это не важно. Что меня больше беспокоит, так это то, что ты можешь слишком стесняться.

Чу Фэнцин моргнул и осознал, что какой бы выбор ни делал Цзи Юйцзинь, он позволял ему сделать его самостоятельно и никогда не принуждал, за исключением их брачной ночи, но в конце концов он всё равно остановился. Он видел так много мужчин, но очень немногие уважали женщин так, как он.

У него вдруг возникла странная мысль: возможно, даже если бы его сестра вышла за него замуж, её жизнь не была бы такой уж плохой.

Как только они вошли в главный зал, они привлекли всеобщее внимание. Цзи Юйцзинь вёл себя так, будто вокруг никого не было. Он взглянул на Чу Фэнцина, беспокоясь, что «ей» будет некомфортно, но не ожидал, что этот человек спокойнее его. У неё была величественная осанка, и каждый шаг, казалось, был вымерен. Уголки губ Цзи Юйцзиня слегка приподнялись. По какой-то причине ему вдруг захотелось найти кого-то, перед кем можно похвастаться. У него никогда раньше не было этого странного чувства.

Они вдвоём прошли к первому месту. В центре зала находился драконий трон императора. Столы и стулья были расставлены по обе стороны от драконьего трона. Первое место справа

принадлежало Наследному принцу. Остальные принцы сели по порядку. Первое место слева принадлежало Цзи Юйцзиню.

Седьмой принц подпёр подбородок одной рукой, выпивая чашку за чашкой вина. У него была женственная внешность, с алыми губами и белыми зубами, и он был гораздо красивее многих наложниц в боковых дворцах. Изначально он думал, что дворцовый банкет скучен, и хотел найти предлог, чтобы не приходить, но его мать-наложница настояла, чтобы он пришёл, дабы показаться перед императорским отцом.

Он думал, что будет чрезвычайно скучно, но, увидев Чу Фэнцина, мгновенно заинтересовался, и его глаза засияли. Он не мог не спросить:

— Госпожа Цзи, вы не ошиблись местом? Почему вы в главном зале?

Как только он это сказал, всеобщее внимание сосредоточилось на нём. Чу Фэнцин поджал губы и раздумывал, как ответить, когда в его ушах прозвучал беспечный голос Цзи Юйцзиня:

— Неужели Ваше Высочество Седьмой принц никогда не видел новобрачную пару, которая так влюблена?

Седьмой принц Чжао Линь помедлил, играя винной чашей пальцами, его взгляд переместился с Чу Фэнцина на Цзи Юйцзиня. Они вдвоём, сидящие вместе в таких нарядах, выглядели идеально — как талантливый мужчина и прекрасная женщина. Но мужчина не был мужчиной, всего лишь евнух, и он ещё смел отбирать у него женщину.

Он встретил Чу Фэнцина однажды во дворце раньше, и, вернувшись домой, почувствовал, что все женщины в поместье — просто вульгарные особы с румянами и косметикой и недостойны его внимания. Его разум был полон каждого хмурого взгляда и улыбки Чу Фэнцина, отчего он чесался день и ночь. Он даже хотел пойти в поместье Цзи и похитить её, но это оказался Цзи Юйцзинь, у которого под началом было слишком много талантливых людей. Не говоря уже о том, чтобы войти в поместье Цзи и похитить человека, — люди, которых он посылал, будут убиты ещё до того, как войдут в поместье.

У него было не так много увлечений. Ему нравилось лишь что-то из следующего: власть, богатство, слава, красота и знаменитое вино. Он улыбнулся и выпил вино из чаши. Он медленно произнёс:

— Господин Глава разделяет тот же вкус, что и этот высочество. Мягкий нефрит и тёплое благоухание в моих объятиях я не променял бы, даже будь я на реке. Но такую красавицу, как ваша жена, трудно найти. Если вы не возражаете, могли бы вы просто отдать её мне. Иначе это было бы расточительством.

Говоря это, его взгляд снова устремился на Чу Фэнцина, дюйм за дюймом сканируя его с великой дерзостью. То, что он сказал, тоже было весьма абсурдно. Многие старые министры

внизу уже нахмурились. К счастью, он был всего лишь принцем, а не наследным принцем. Будь он наследным принцем, завтрашние импичмент-мемориалы, вероятно, заполнили бы весь стол.

— Ха-ха-ха, как может Ваше Высочество Седьмой принц сравниться с таким слугой, как я? Мой величайший интерес — не красота, а...

— Убивать людей. — Цзи Юйцзинь улыбнулся, зажал орех пальцами, слегка надавил, и орех полетел прямо на место Чжао Линя. Винная чаша на его столе мгновенно взорвалась, осколки и вино брызнули вверх. Чжао Линь был облит вином и вскрикнул. Он быстро встал и стряхнул вино с себя, его лицо исказилось:

— Цзи Юйцзинь! Ты такой дерзкий!

Цзи Юйцзинь притворился смущённым:

— Хм? Почему Ваше Высочество Седьмой принц так говорит?

— Ты... — Чжао Линь был чрезвычайно зол, его глаза слегка сузились. — Ты презираешь королевскую семью, хочешь потерять голову?

— Презираю королевскую семью? Ваше Высочество Седьмой принц, прошу, не возводите такую большую клевету на этого слугу. Этот слуга не может этого вынести. Если Ваше Высочество Седьмой принц настаивает на этом, тогда прошу предъявить доказательства. Даже глиняная фигура имеет свой нрав. Этот слуга готов рискнуть своей головой сегодня, чтобы доложить Его Величеству и потребовать справедливости для себя.

Голос Цзи Юйцзиня звучал лениво, совершенно не соответствуя тому, что он говорил.

Седьмой принц взглянул на орех на столе, раздавленный в порошок, и сжал кулак. В конце концов, именно Второй принц Чжао Июй выступил в роли посредника.

— Ладно, Седьмой брат, прекрати создавать проблемы. Иди и быстро переоденься. Императорский Отец скоро будет здесь. — Он помедлил и поднял бокал к Цзи Юйцзиню. — Седьмой брат невежественен и несдержан на язык. Я извиняюсь перед Главой от его имени.

Но как только вышел Чжао Июй, все чиновники внизу снова начали перешёптываться, и всё из-за того, что он и Чу Иньинь были помолвлены раньше, но большинство всё же хвалило его за благоразумие.

Чу Фэнцин взглянул на Чжао Июя. Возможно, потому что вокруг него так долго не было нормальных людей, он чувствовал некоторый дискомфорт, видя такого человека, как Чжао Июй, столь doskonaльного в своих действиях.

Цзи Юйцзинь не поднял бокала, вместо этого слегка приподнял глаза и усмехнулся:

— Этот слуга не смеет, Ваше Высочество Второй принц слишком вежлив, но этот слуга не знал, что мы можем извиняться за подобные вещи.

Чжао Июй: «.....»

В это время Ли Юй подхватил разговор. Как глава Цзиньвэя, он тоже имел место:

— Этот министр, возможно, и некомпетентен, но этот министр ясно слышал, как Его Высочество Седьмой принц оскорбил жену Главы. Разве можно оскорблять жену мужчины? Этот министр умоляет Ваше Высочество Наследного принца и Ваше Высочество Второго принца восстановить справедливость в этом деле.

Как только эти слова прозвучали, поднялась огромная толпа. Все шесть министерств и девять чиновников встали. Они отсалютовали в унисон и сказали:

— Министры умоляют Ваше Высочество Наследного принца и Ваше Высочество Второго принца восстановить справедливость в этом деле.

Чжао Июй чуть крепче сжал чашу, Чжао Линь стиснул зубы и молчал, все чиновники оставались на своих местах, оказывая давление.

Цзи Юйцзинь сидел там невозмутимо, взял кусок пирога и положил в миску Чу Фэнцина, и сказал ему:

— Этот пирог вкусный, но он легко вызывает несварение, так что не ешь слишком много. — Говоря это, он не понижал голоса, и почти все гражданские и военные чиновники двора слышали это. Все держали глаза опущенными и носы неподвижными, не смея произнести ни слова, боясь быть втянутыми в это дело.

Видя, что обстановка накаляется, Чу Фэнцин вдруг заговорил холодным голосом:

— Мне это не нравится, слишком сладко.

<http://bllate.org/book/17231/1615521>